

Возможен ли долгосрочный прогноз?

К вопросу о методологии прогнозирования
развития международных отношений

© Подберезкин А. И., Харкевич М. В.

© Podberezhkin A., Kharkevich M.

**Возможен ли долгосрочный прогноз? К вопросу о методологии
прогнозирования развития международных отношений**

Is a long-term forecasting possible? On methodology of forecasting in international relations

Аннотация. Рассматривается вопрос о возможности долгосрочного прогнозирования развития международных отношений, оцениваются различные подходы к прогнозированию. Предлагается авторский подход, который вбирает в себя различные характеристики рассмотренных подходов и основан на комплексности, иерархичности, сочетании как качественных, так и количественных методов прогнозирования.

Annotation. The article deals with the possibility of long-term forecasting of international relations, various approaches to forecasting are evaluated. The author's approach to the forecasting of international relations, which incorporates various characteristics of these approaches and which is based on complexity, hierarchy, combination of both qualitative and quantitative methods is presented.

Ключевые слова. Прогнозирование, международные отношения, методология, цивилизации, акторы, теория международных отношений.

Key words. Forecasting, international relations, methodology, civilization, the actors, the theory of international relations.

Вопрос о методологии долгосрочного развития международных отношений (МО) является одним из вечных вопросов политической науки. Можно ли в принципе прогнозировать развитие макросоциальных систем, разновидностью которых является система международных отношений? Если можно, то как это делать, и каков предельный горизонт прогнозирования?

Все признают сложность международных отношений как объекта прогнозирования. Данная система описывается как стохастическая, состоящая из множества волевых, взаимосвязанных и взаимозависимых акторов, действующих на различных уровнях, без достаточной инфор-

ПОДБЕРЕЗКИН Алексей Иванович — директор Центра военно-политических исследований МГИМО(У) МИД РФ, доктор исторических наук.
ХАРКЕВИЧ Максим Владимирович — доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД РФ, кандидат политических наук.

Исследование выполнено по гранту РНФ 14-18-02973 «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений».

мации о себе и своих конкурентах в условиях дефицита времени. В результате предсказать, как будет вести себя каждый конкретный элемент системы международных отношений или что станет с самой системой, довольно сложно. С другой стороны, масштабность задачи не означает невозможности ее выполнения, тем более что построения реалистичных прогнозов развития международных отношений требует императив выживания в качестве субъекта последних.

Попытки описать теорию, методологию и логику, а главное — методы долгосрочного прогнозирования международных отношений и внешнеполитической обстановки (ВПО) предпринимались не раз, но без видимого успеха, который может заключаться только в подтвержденном результате такого прогноза. Но как раз практически подтвержденных результатов долгосрочных прогнозов было мало, что не означает бесполезности этих усилий. Как справедливо замечает академик РАН А. Кокошин, «сбывшиеся прогнозы — это большая редкость в общественно-научных исследованиях» [1. С. 9]. К ним относятся, например, прогнозы характера Первой мировой войны Ф. Энгельса и крупного военного российского теоретика А. А. Свечина. Конкретность результата в долгосрочном прогнозе может быть оценена как вероятность появления или продолжения того или иного сценария развития МО.

Самая большая трудность в анализе и прогнозе развития современной международной обстановки — это поиск и выбор теории и конкретных методов, которые могли бы обеспечить исследование огромного числа факторов, формирующих международную обстановку. С одной стороны, ясно, что даже в абсолютно конкретной стратегической обстановке реализуются те или иные объективные факторы и тенденции, заложенные изначально в развитии международных отношений и ВПО, а с другой — множество переменных и появление новых факторов ведут к созданию и развитию совершенно уникальной стратегической обстановки [2. С. 560]. Стратегическая обстановка, военные конфликты и войны всегда будут развиваться по неожиданным сценариям, которые невозможно спрогнозировать с достаточной точностью. Так, никто в России в декабре 2013 г. не прогнозировал стремительного изменения международных отношений и ВПО в Европе, а тем более того, что в феврале 2014 г. уже сложится абсолютно уникальная стратегическая обстановка на Украине [2. С. 13–15]. Настолько уникальная, что «заморозится» в форме военного конфликта более, чем на 15 месяцев.

Первый и наиболее распространенный подход к решению этой задачи — представить международные отношения в виде абстрактной модели, подчиненной во многом умозрительным законам и правилам, которые мыслятся как непреложные, вечные и универсальные. В силу наличия таких законов и правил развитие этой абстрактной модели становится прогнозируемым даже на долгосрочный период. Таким подходом пользуются практически все рационалистические теории. Достоинство этого подхода — придание прогнозированию наукообразия, которое повышает доверие к прогнозам и сценариям. Наличие цифр и графиков в прогнозе повышает его конкурентные преимущества. Недостаток такого подхода в том, что сценарии, полученные с его помощью, верны

только для абстрактной рационалистической модели международных отношений, но не для реальной ситуации.

Другой подход к решению проблемы прогнозирования международных отношений связан с выявлением основных факторов, которые могут оказывать влияние на их развитие как системы. Такими факторами могут быть демография, распространение ОМУ, экономический рост или кризис, изменение климата, истощение или, напротив, обнаружение энергетических ресурсов, циклы технологических инноваций, структура распределения материальных ресурсов, политическая культура международных отношений, распространение демократии и т. д. Каждый исследователь выделяет свой набор факторов, который, с его точки зрения, определяет развитие международных отношений.

Далее делается прогноз развития выбранных факторов, и результаты экстраполируются на всю систему международных отношений. Иными словами, развитие международных отношений связывается и объясняется через различные факторы. Достоинством такого подхода является ограниченная редукция международных отношений. Избежать редукции к одному или нескольким факторам невозможно, но это не полная редукция, которая наблюдается при первом подходе. Кроме того, благодаря частичной редукции повышается точность прогноза. Прогнозировать развитие одного или нескольких факторов проще, чем прогнозировать развитие международных отношений в их совокупности. Недостаток подхода в том, что выбор факторов носит субъективный, умозрительный характер и приводит пусть даже к частичной, но все же редукции международных отношений.

Третий подход связан с использованием потенциала различных уровней в международных отношениях. Может показаться, что прогнозировать развитие отношений на микроуровне проще, чем на макроуровне. Это допущение мнимое. Сложность социальных систем сохраняется и на микроуровне. Трюк заключается в том, чтобы редуцирование системы совершить на микроуровне, а результаты этой редукции распространить на макроуровень, но не силой мысли, а с помощью вычислительных возможностей компьютеров. В данном случае задействуется такое свойство системы, как эмерджентность. Просчитать эмерджентный эффект на системном уровне (макроуровне) без компьютера невозможно, т. к. отношения между уровнями в системе носят не причинно-следственный, а конституирующий характер. Недостаток данного подхода — редукция системы на микроуровне.

Можно выделить, конечно, и интуитивный подход. Политика остается сферой возможного, а не должного, и скорее искусством, чем ремеслом. Поэтому опытный политик, скорее всего, обладает достаточной интуицией, чтобы предложить вероятный сценарий и дать убедительный прогноз. При этом вероятность реализации интуитивного сценария вряд ли будет ниже, чем у сценария наукообразного.

В качестве общего подхода к прогнозированию развития международных отношений можно выделить сценарный подход, который заключается в разработке множества сценариев с оценкой вероятности каждого из них. В стратегических прогнозах избегают выделения какого-то наиболее

вероятного конкретного сценария — прежде всего потому, что если возможных сценариев может быть несколько десятков, вероятных — несколько, то конкретный вариант сценария будет все-таки только один — как и сегодня, в реальности, реализуется единственный сценарий. И именно его-то и надо угадать, спрогнозировать или запланировать.

Учитывая невысокую вероятность реализации прогноза международных отношений, сделанного с помощью любого из вышеперечисленных подходов, возникает вопрос о функциональности самого института прогнозирования в сфере международных отношений. Можно выделить две положительные функции: развитие науки о международных отношениях и поддержка внешнеполитического планирования. Даже если точно спрогнозировать международные отношения невозможно, внешнеполитический план у государства все же должен быть.

В настоящей статье предлагается подход, который сочетает в себе и уровневую, и интуитивную, и факторную, и в каком-то смысле даже сциентистскую модель.

Логико-теоретическая модель развития международных отношений в упрощенном виде представляется следующим образом [2] (см. Рис. 1).

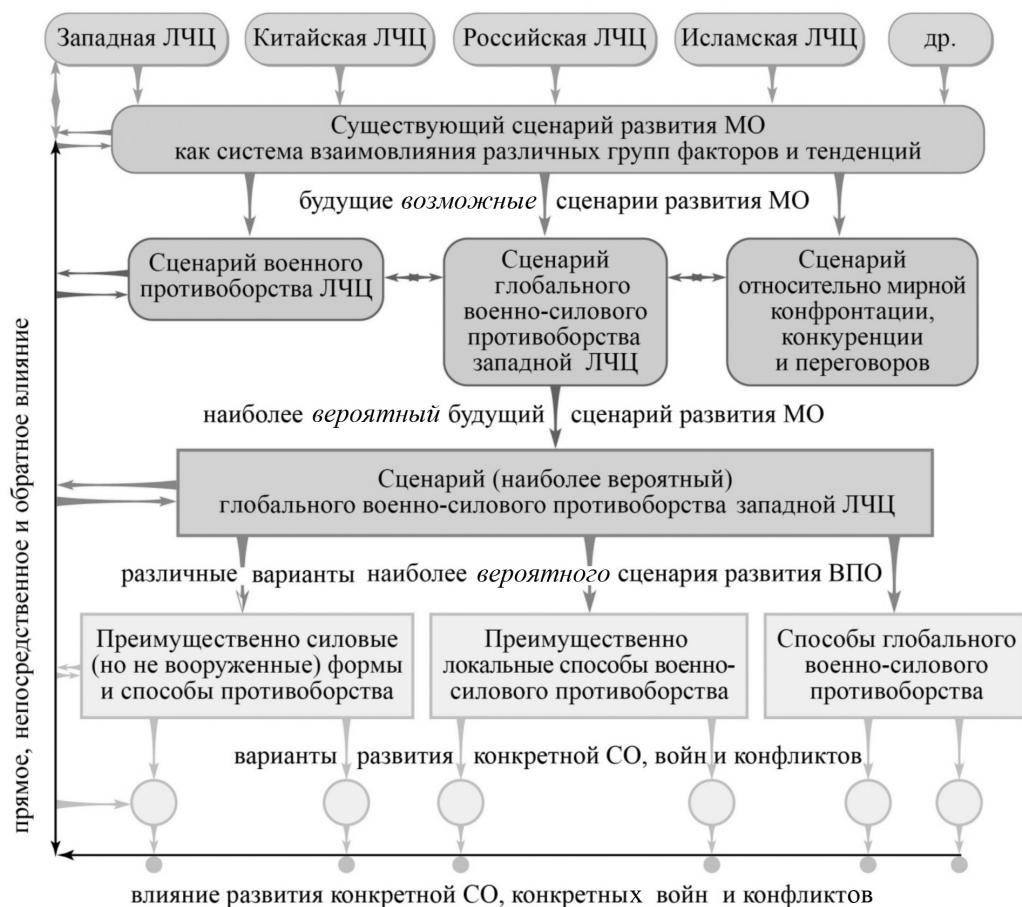

Рис. 1. Основные локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ)

Здесь МО — международная обстановка; СО — стратегическая обстановка; ВПО — военно-политическая обстановка; ЛЧЦ — локальная человеческая цивилизация.

Представленная выше модель для прогнозирования международных отношений характеризуется многоуровневостью и иерархичностью. Будущий сценарий развития МО предопределяется развитием и взаимоотношениями между ЛЧЦ и формируемыми ими союзами и коалициями, а конкретный (наиболее вероятный) вариант того или иного сценария развития МО и вытекающий из него вариант сценария ВПО является следствием таких взаимоотношений. Это первое и главное исходное теоретическое положение анализа и стратегического прогноза развития МО.

Другое теоретическое положение относится к структуре международной обстановки, а также факторам и тенденциям, влияющим на ее развитие. Рассматриваются три основные группы объективных факторов и тенденций, влияющих на формирование (в том числе вероятность) сценария МО:

- группа глобальных, мировых тенденций — экономических, информационных, биологических, экологических, финансовых и т. д., чье влияние сказывается на всех сторонах формирования МО и ВПО;
- группа традиционных факторов — субъектов МО — государств и наций, но прежде всего локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ);
- группа относительно новых факторов — негосударственных и межгосударственных акторов, участвующих в формировании и развитии МО: (а) международные организации и институты, коалиции, союзы и пр.; (б) негосударственные акторы — общественные организации, партии, сетевые сообщества и др.

Кроме этих трех групп объективных факторов, огромное значение для формирования МО в XXI в. стала играть группа факторов субъективных, связанных с национальным (цивилизационным) человеческим капиталом и его институтами, а также процессом подготовки и принятия политических решений. Эта группа факторов выделилась из группы объективных глобальных тенденций и стала играть самостоятельную, всевозрастающую роль только в XXI в., хотя и в прежней истории человечества ее было невозможно игнорировать.

В целом все группы в совокупности представляют десятки тысяч факторов, субъектов, акторов и тенденций, большинство из которых может иметь много характеристик и параметров. Так, только один из традиционных субъектов МО — государство (например, Российская Федерация) — имеет сотни важнейших параметров и критериев — от численности населения и территории до величины ВВП, внешнего долга и численности ВС, — которые влияют на формирование существующего и будущего сценария развития МО. Как уже говорилось, традиционно используются в прогнозах в основном оценки только традиционных показателей и критериев — демографические, географические, финансовые. Поэтому вероятный сценарий развития МО неизбежно должен учитывать не только «физические» реалии, но и идеологические «намерения» правящей элиты по реализации этих реалий.

Для целей анализа и прогноза такое огромное число факторов и их показателей не является принципиальным затруднением. Существую-

щие мощности вычислительной техники позволяют, например, одному из компьютеров концерна ВКО «Алмаз-Антей» отслеживать в реальном времени состояние более 50 тыс. факторов — применительно к оценке МО это тысячи факторов, формирующих МО. Проблема заключается в построении методики и алгоритма, которых до сих пор не существует. Так, судя по всему, прогноз будущей ВПО делается до сих пор на основе анализа всего лишь двух групп факторов: количества и качества вооружений и численности вооруженных сил.

Между тем анализ политики всего лишь одного субъекта МО — какого-то одного (из 200) государства — предполагает исследование не только изменения его количественных параметров (численности населения, ВВП и т. д.), но прежде всего его качественных характеристик: основных целей, формулируемых правящей элитой, и соответствующих стратегий. Так, даже в основу традиционного конкретного анализа политики и стратегии субъектов МО положены, как правило, два основных исследования: анализ интересов (потребностей) этого субъекта и ценностей (нации, государства) и оценка реальных возможностей этого субъекта МО, что очень схематично можно показать на рисунке 2 [5].

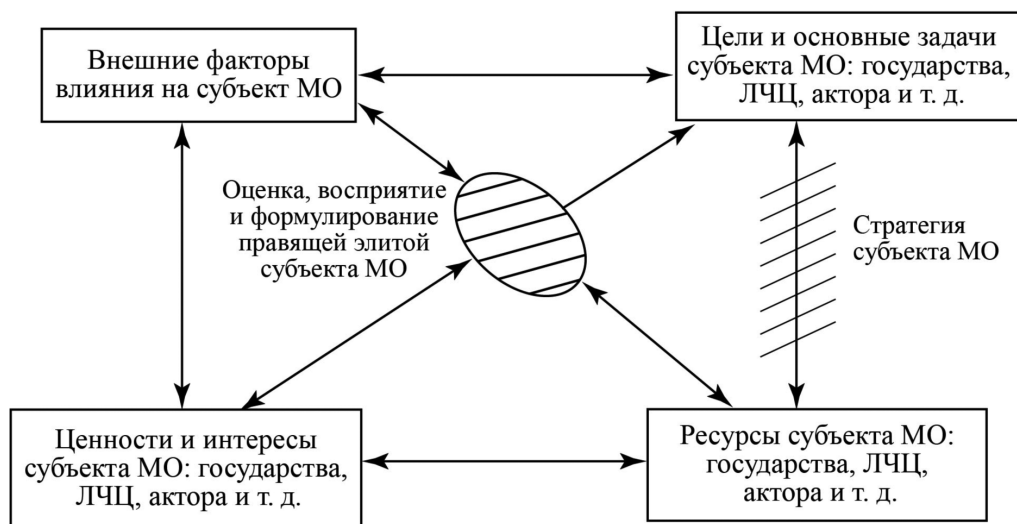

Рис. 2. Логический рисунок модели анализа политики одного из субъектов МО

На самом деле для точного анализа политики (одного!) субъекта МО этого мало — ведь, кроме того, на формирование политики и стратегии этого субъекта МО влияют такие группы факторов, как: внешние условия и влияние внешних факторов (в том числе внешние вызовы и угрозы); субъективное восприятие правящей элитой этого субъекта МО всех групп факторов (объективных интересов и ценностей, внешнего влияния, наличия возможностей и ресурсов), что в итоге выражается как в субъективном формулировании политических целей, так и в соотношении «цели—средства», лежащем в основе любой стратегии.

Таким образом, для точного анализа международных отношений и долгосрочного прогноза необходимо проанализировать не только «по отдельности» все группы указанных факторов, но и все эти факторы и тенденции во взаимосвязи и динамике. Именно эта часть анализа и является наиболее сложной, потому что архитектура и структура МО быстро меняются. Для иллюстрации приведу самый простой пример развития архитектуры МО за последние 60 лет — как его видит известный японский политолог К. Исигоока [4. С. 29—30]. Он, в частности, рассматривает три ситуации, которые характеризуют состояние МО в XXI в. Это означает, что для современного анализа необходимо учитывать «остаточное» влияние (экономическое, историческое, правовое и пр.) прежних состояний МО.

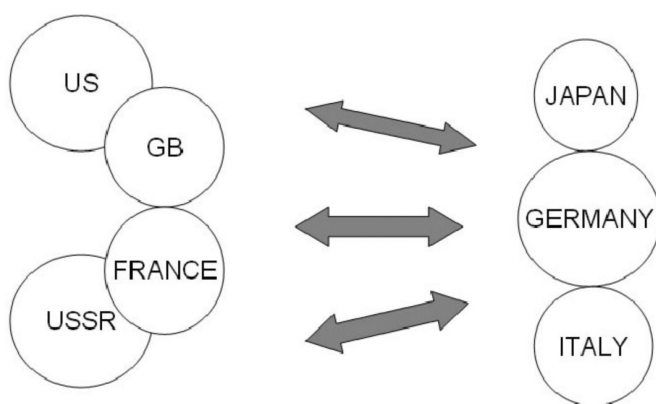

Рис. 3. Конфронтация в период Второй мировой войны

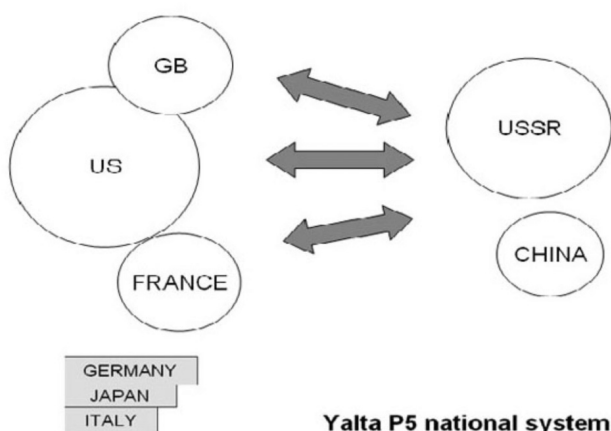

Рис. 4. Международный контроль после Второй мировой войны

Очевидно, что МО радикально изменились после 1990 г., что требует положить в основу современного анализа уже новую архитектуру МО, а прогноза — возможную будущую архитектуру. Это позволяет изна-

чально избежать искажения в анализе, которое неизбежно из-за субъективного восприятия ВПО и СО — что, к сожалению, случается. В самом простом виде эту новую (однополярную) архитектуру можно представить следующим образом (см. Рис. 6).

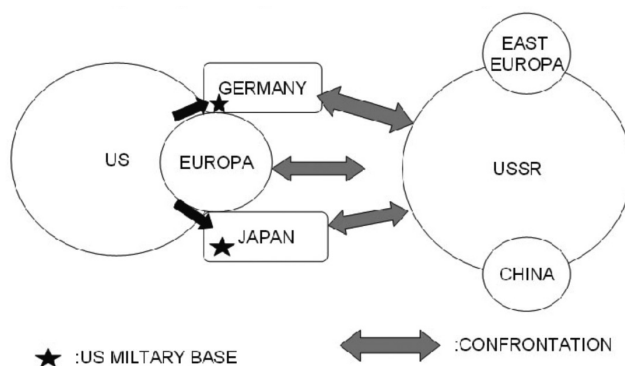

Рис. 5. Мировой порядок периода «холодной войны» (конфронтация = «холодная война»)

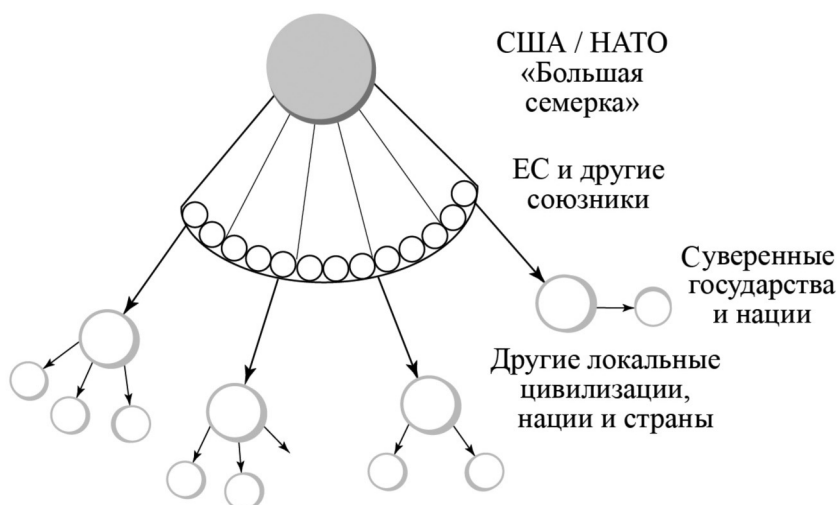

Рис. 6. Новая (однополярная) архитектура МО после 1990 г. (характеризуется увеличением числа основных субъектов и негосударственных акторов МО и ВПО)

Как видно из модели новой архитектуры МО, сложившейся после 1990 г., основную роль играют страны, представленные в западной ЛЧЦ во главе с США. Вплоть до середины второго десятилетия XXI в. эта архитектура не оспаривалась публично. Война на Украине, создание БРИКС, ШОС и ЕАЭС привели, однако, к тому, что в 2012—2015 гг. произошло резкое «переформатирование» архитектуры МО в публично-международном пространстве. Фактически было заявлено о появлении политически и экономически альтернативных центров силы, способных претендовать на изменение сложившихся в предыдущие годы под эгидой и контролем США систем.

Естественно, новая модель и структура МО, заявленная в 2015 г., еще не стала свершившимся фактом; но и не учитывать этой очевидной тенденции в развитии МО (а следовательно и ВПО, и неизбежно СО, что уже было продемонстрировано в Сирии и на Украине) невозможно. Так, «на полях» заседания Генассамблеи ООН в сентябре 2015 г. уже была запланирована встреча лидеров стран—членов БРИКС, а США немедленно отреагировали на изменение МО в том же 2015 г. появлением нового варианта Стратегии национальной безопасности [7] и Национальной военной стратегии США [6].

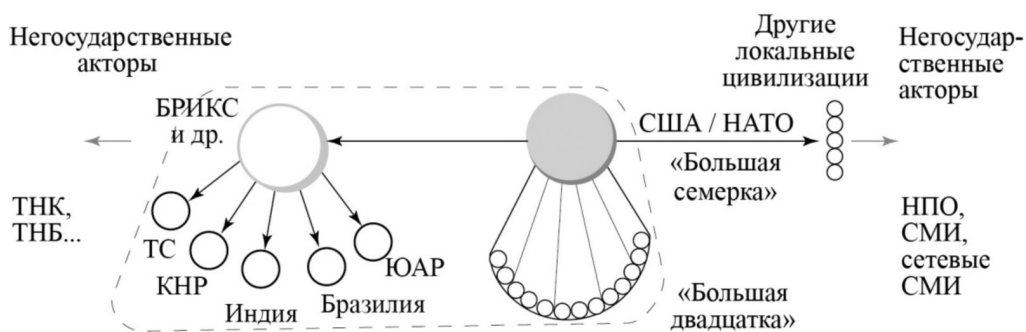

Рис. 7. Новая архитектура МО в 2015 г.

Еще сложнее представляется прогноз будущей структуры и модели МО на 2030—2040 гг., когда новые центры силы наберут свою мощь и смогут претендовать на военно-силовое изменение международных норм и правил в свою пользу. Очень многое после 2030 г., например, будет зависеть от того,

- насколько успешно США смогут силовыми средствами нейтрализовать изменение соотношения сил в пользу новых центров силы;
- насколько успешно смогут развиваться новые центры силы относительно западной ЛЧЦ и друг друга;
- насколько успешна будет западная ЛЧЦ и многих других факторов.

Будущая МО и ВПО (как ее составная часть) будут формироваться под влиянием противоборства ЛЧЦ, которое будет определяющим по отношению к двум другим основным группам — мировым тенденциям и негосударственным акторам, поскольку ЛЧЦ во многом смогут интегрировать в свое развитие как общемировые закономерности развития, так и роль негосударственных акторов. Во многом потому, что сами ЛЧЦ являются синтезом развития как объективных факторов (субъектов государства—лидеров ЛЧЦ, цивилизационных тенденций), так и акторов — религиозных, общественных, международных и иных организаций, а также субъективных тенденций развития НЧК локальных цивилизаций и наций.

Таким образом, стратегический прогноз развития модели будущей архитектуры МО, в котором реализуется конкретный сценарий развития, лишь задает самые «общие рамки» долгосрочного прогноза, кото-

рые важны, но не несут в себе конкретного содержания. Такое конкретное содержание предоставляет прогноз развития субъектов МО — ЛЧЦ, государств и акторов, а также глобальных тенденций, которые должны рассматриваться в единой системе, во всей своей взаимосвязи, а не по отдельности. Такой прогноз предполагает, что необходимо двигаться от частного (анализа и прогноза отдельного фактора) к общему (сумме этих факторов). В частности, необходим прогноз если не всех 200 государств, то ведущих стран мира (25—30 государств), которые будут формировать будущий облик МО, а также, безусловно, всех ЛЧЦ и основных акторов.

Но этот же конкретный прогноз развития отдельных субъектов и акторов МО должен интегрироваться в одну из теоретически обоснованных моделей развития сценариев МО. В противном случае даже наличие огромного числа систематизированных фактов и данных не обеспечит условий для прогноза конкретного варианта развития МО.

Достоинствами описанного подхода к прогнозированию развития международных отношений являются комплексность, иерархичность, сочетание как качественных, так и количественных методов прогнозирования. Данная модель выстраивает различные группы акторов и факторов в иерархический порядок, что определяет логику и последовательность прогнозирования развития международных отношений.

Недостатком данной модели является неизбежное присутствие субъективного фактора при определении ключевых факторов развития международных отношений и характера взаимодействия между основными акторами международных отношений. Данная модель не лишена также редукционизма — неизбежного условия любого прогнозирования.

Дальнейшее развитие данной модели предполагает ее использование для выработки наиболее вероятного прогноза развития международных отношений на долгосрочную перспективу.

Литература

1. **Кокошин А. А.** Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А. А. Свечин. М. : МГУ, 2013.
2. **Подберезкин А. И.** Военные угрозы России. М. : МГИМО-Университет, 2014.
3. **Подберезкин А. И.** Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО-Университет, 2015.
4. Сотрудничество и соперничество в Евразии : материалы Шестой российско-японской конференции, 16 сентября 2009 г., Москва. М. : МГИМО-Университет, 2009.
5. **Хрусталеv М. А.** Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М. : Аспект Пресс, 2015.
6. The National Military Strategy of the United States of America. Wash. (DC) : DOD, 2015. June.
7. National Security Strategy. Wash. (DC) : The White House, 2015. February. ◆